

Рожков Ю.В., Чёрная И.П. Особенности формирования геофинансовой системы постглобализации: новые вызовы и условия регионального развития / Мировая экономическая система: особенности третьего тысячелетия. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. 296 с.

Особенности формирования геофинансовой системы постглобализации: новые вызовы и условия регионального развития

Мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. и его последствия, приведшие к масштабной системной несбалансированности на глобальном рынке, значительно изменили развитие интеграционных процессов. Как отметил Р. Самуэльсон, в течение многих десятилетий рост объёмов трансграничной торговли и денежных потоков вызывали быстрый экономический рост, но в современных условиях наблюдается замедление, а в некоторых случаях снижение темпов развития. Поэтому ключевым вопросом выбора стратегии многих стран стало осмысление того, являются ли эти изменения деглобализацией, предвещающей длительный экономический застой, или глобализация вступает в новую стадию, способствующую укреплению мировой экономики [1]. Хотя прогнозы различных исследователей, политиков, экспертов на перспективы глобального рынка нередко значительно разнятся, вполне очевидна актуальность определения приоритетов региональной интеграции для РФ, оказавшейся участницей многих страновых группировок, которые претендуют на лидирующую

роль в современном мире.

Выбор вышеуказанной стратегии должен основываться на учёте всей совокупности геоэкономических интересов страны и её отдельных субъектов (даже при их противоречивости), и в этом смысле представлять собой решение проблемы, обозначенной нами ещё в 2006 г. как «стратегическое «вписывание» России в геоэкономику трансграничных регионов» [2]. Проведённый анализ показывает, что такой подход, соответствующий новым вызовам и условиям регионального развития, должен включать изучение, по крайней мере, трёх важнейших составляющих изменений глобального рынка:

- трансформацию глобализации как движущей силы современной интеграции;
- эволюцию геофинансов как ключевого фактора геоэкономических интересов глобальных и региональных акторов;
- определение основного геоэкономического полюса силы на глобальном (как производное от «global» и «local») рынке для раскрытия возможностей стратегических манёвров трансграничных регионов РФ.

Рассмотрим основные характеристики каждой из составляющих обозначенного подхода.

Изменения политической и социально-экономической архитектуры современного общества определяются многими факторами, среди которых особое значение имеют влияние мирового кризиса и вызванная им трансформация глобализации, связанная, прежде всего с замедлением темпов развития мировой экономики. Действительно, если в начале XXI-го века глобальные рынки производили и потребляли примерно 20 процентов объёма мирового производства (около 6 трлн долл. из 28 трлн долл. мирового ВВП), то кризис 2007–2008 гг. обусловил замедление экономического роста. После перерыва в 2009 г., умеренного восстановления в 2010 г. и замедления в 2012 г., в 2013 г. процесс глобализации ведущих экономик мира всё же стал нарастать, но невысокими темпами. Причём, если ранее рост осуществлялся двумя разными «скоростями»: высокими темпами в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах и медленнее в странах с развитой экономикой, то в нынешних условиях произошло разде-

ление как бы на три «скорости». Страны с формирующимся рынком и экономика развивающихся стран продолжают быстро расти, но среди стран с развитой экономикой усиливается расхождение по темпам между США, с одной стороны, и зоной евро с другой [3].

Эксперты МВФ подчёркивают, что риски снижения темпов мирового экономического роста относительно прогноза всё ещё преобладают, ибо сохраняются прежние риски и появляются новые, связанные с возможностью более длительного уменьшения активности в странах с формирующимся рынком, особенно с учётом опасности снижения темпов потенциального роста, замедления роста кредитования и, возможно, более жёстких финансовых условий, если ожидаемое сворачивание денежно-кредитных стимулов в США приведёт к устойчивому изменению направления потоков капитала [4].

Пессимизм прогнозов МВФ дополняет авторитетный эксперт в области глобальных финансов Нуриэль Рубини (США), предрекавший «идеальный шторм» глобальной слабости. В 2011 г., а затем в конце 2012 г. им показано, что ситуация в 2013 г. может оказаться гораздо более худшей, чем кризис 2008 г. Тогда удалось провести ряд мероприятий: понизить базовые ставки с 5–6 процентов до нуля, провести монетарные смягчения, создать налоговые стимулы с нагрузкой на бюджет до 10 процентов ВВП и даже гарантировать выплату антикризисной помощи. Сегодня очередные раунды количественного смягчения становятся всё менее эффективными, так как сегодняшние проблемы связаны не с нехваткой ликвидности, а с неплатёжеспособностью [5].

Налицо крах не только прежней системы мироустройства, но и неолиберальной модели глобализации конца XX-го века. Важными чертами той модели были: а) доминирующая роль США в мировой экономике; б) полное отделение в экономике финансовой сферы от производственной и связанное с этим наличие огромного количества ничем не обеспеченных финансовых активов; в) распространение вширь институтов либеральной демократии вне связи с тем, существуют ли для них необходимые условия и предпосылки и т.п. [6]. Причём разрушение биполярной модели мира (США–СССР), не привело к становлению одно-

полярности (США) или новой биполярности (США–Китай). Возникшая многополярная модель мироустройства является симбиозом около двух сотен неодинаковых стран с разным уровнем формационного, то есть социального и экономического развития, не имеющих эффективной стратегии преодоления кризиса [7].

Замедление темпов экономического роста на фоне усиливающейся неспособности глобальных и национальных лидеров преодолеть системный кризис предопределили вступление мирового сообщества в новый этап экономической глобализации – постглобализацию. Её основой является идеология, альтернативная неолиберальной парадигме и традициям транснациональной демократии, а начало связывается с событиями 2001 г.: кризисом доткомов (англ. *dot com* – интернет-компания) 10 марта или терактом 11 сентября. Под действием глобального кризиса в ней выделилось несколько основных трендов, включая деиндустриализацию, новую бедность среднего класса, экономическую и технологическую, политические кризисы в так называемых «третьих странах», раздутые финансовые рынки и социальные обязательства [8]. Среди множества факторов развития постглобализации, как представляется, ключевую роль необходимо отводить геофинансовым факторам, требующим повышенного внимания политиков и исследователей.

Отметим, что появление феномена геофинансов связано с развитием глобализации в конце XX- начале XXI века. По мнению Ш. Голдфингера, геофинансы – новое финансовое пространство-время, игнорирующее законы географии и национальные границы, представляют собой синтез мировых денег, информационной технологии и либерализации законодательного регулирования [9]. Следовательно, в структурном плане геофинансы – это глобальная сеть традиционных и виртуальных, дематериализованных (дестафированных) финансовых рынков, функционирующих на них участников, при организующей и ведущей роли интермедиаторов (посредников).

Сложившаяся к началу глобального кризиса геофинансовая система по своим масштабам и механизмам функционирования была результатом предшествовавшего этапа глобализации. Поэтому важной характеристикой геофинансов стало их развитие по

собственным законам, которое привело к отрыву от национальных финансовых систем, означающему частичное перемещение функций регулирования к мировым финансовым центрам, главным критерием экономической деятельности которых является максимальная прибыльность [10]. Это дало нам основания определить геофинансы как совокупность экономических отношений, связанных с формированием, распределением, перераспределением и использованием национального и мирового дохода между субъектами глобальной экономики на основе финансово-кредитных, информационных и иных операций общего и частного свойства, отражающих одновременно мировые закономерности и специфику отдельной страны (региональных интеграционных союзов) в движении дестафированных денежных фондов [8].

Подчеркнём, что именно развитие геофинансовых факторов глобализации многие исследователи считают причиной её современных кризисов. Так, исследователь из США Дж. Соммерс утверждает, что кризис 2007–2008 гг. явился частью кризиса *longue durée* (по Ф. Броделю – «долгий период», характеризуемый долговременными историческими изменениями), который берёт своё начало, по крайней мере, с момента крушения Бреттон-Вудской системы в 1971 г. Причины этого системного кризиса в финансиализации, развернувшейся вместе с поздним капитализмом и определяемой слишком малым количеством денег, вкладываемых в реальную экономику. Принципиальное представление о масштабах финансиализации даёт следующий пример: если посмотреть на величину прибылей американских корпораций, то выясняется, что в 1970 г. на долю финансового сектора приходилось порядка 15 процентов, а к 2002 г. эта доля выросла до 42 процентов [11]. К подобным выводам приходят и российские учёные. Н.А. Симония и А.В. Торкунов утверждают, что компьютеризация финансовой сферы стала грозным оружием массового финансово-экономического разрушения, превратив финансовую систему в мощную самодовлеющую структуру, оторванную от реальной экономики, а потому характеризуемую в виде своеобразной «раковой опухоли» на теле экономики, распространяющей в организме свои метастазы [12].

Особого внимания и зарубежных, и отечественных учёных

вызывает проблема существования каналов распространения кризиса. Отсутствие границ геофинансов привело к тому, что среди основных каналов рассматриваются «эффект домино» («каскадный эффект») и «эффект заражения» финансовой системы, когда кризис из одной страны «перетекает» в другую, и они оказывают влияние на третью страну. При этом финансовые проблемы одного банка распространяются на другие банки в силу существования рынка межбанковского кредитования (МБК) или возникновения паники среди вкладчиков всех банков. Основным каналом «перетока» ранних финансовых кризисов был торговый капитал, при этом «эффект домино» подтверждён для кризиса 1998 г. Современный кризис связан с перетоком финансового капитала, а потому требует особой денежно-кредитной, инвестиционной и социальной политики его преодоления [13].

Таким образом, угрозы и риски сложившейся геофинансовой системы обостряют необходимость усиления национальных экономик и расширения государственного регулирования для разработки особой стратегии поведения, ориентированной на достижение условий гармонизации деятельности национальных бизнес-систем в мировом пространстве в условиях постглобализации. Иначе говоря, новые условия требуют выработки государством новой геофинансовой стратегии как системы механизмов формирования и реализации доктрины поведения субъектов социально-экономического и политического развития страны, основанной на развитии геофинансов и направленной на повышение конкурентоспособности на глобальном рынке. Реализация таких стратегий в процессе формирования постглобального мира проходит в условиях обостряющейся геофинансовой конкуренции. Как справедливо отмечает И.К. Пучков, геофинансовая конкуренция – это среда оперирования коррелирующих между собой финансовых рынков в процессе обслуживания взаимосвязанных экономических циклов по формированию, распределению и аккумуляции мирового дохода. Главная цель такой конкуренции заключается в активизации механизмов поэтапного вплетения валютных, финансовых и производных эквивалентов в государственные, корпоративные и региональные, а также глобальные бизнес-процессы [14].

Глобальный кризис стимулирует стремление региональных акторов к созданию квазиавтаркической хозяйственной системы за счёт относительной замкнутости, целостности воспроизводственного внешнеэкономического контура. Появлению новых характеристик геофинансовой системы также способствует ослабление доллара США и евро, которые усиливают её частные свойства, определяемые в том числе проектами собственных валют региональных интеграционных союзов: «универсального доллара суверенных государств» в торгово-экономическом объединении США, Канады и Мексики; азиатской валютной единицы – АКЮ 2; арабского динара; австралийского доллара для Новой Зеландии и Папуа-Новой Гвинеи; африканского франка для стран Центральной Африки и западноафриканского франка для Западной Африки и т.д. [15].

К новым факторам геофинансовой системы следует отнести и озвученное в апреле 2011 г. решение постепенного перехода на национальные валюты в расчётах внутри БРИКС, и предложение президента РФ В.В. Путина на саммите АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. о создании множественности резервных валют с использованием возможностей стран макрорегиона для избавления от излишних деривативов, повышения дисциплины и устойчивости мировых финансов. Таким образом, в современную эпоху геофинансы становятся ключевым фактором реализации геоэкономических интересов глобальных и региональных акторов. Поэтому, что имеет принципиальное значение для выбора стратегии региональной интеграции России, именно геофинансы должны определять потенциал развития геоэкономических полюсов нового центра мировой политики – стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Основываясь на сформулированном О. Ариным (псевдоним – А. Бэттлер) законе «полюса», в соответствии с которым в геоэкономическом пространстве глобальный или региональный полюс означает определение субъекта, отличающегося от других субъектов превосходством своей экономической силы над экономическим потенциалом вслед идущего государства, как минимум, в два раза [16], определим такие полюса для РФ на основе данных Всемирного Банка 2012 г. [17]. В Азиатско-

Тихоокеанском регионе для России с валовым национальным продуктом (ВНП) в 1 479,8 млрд долл. региональными полюсами являются Китай (ВНП – 5 926,6 млрд долл.) и Япония (ВНП – 5 451,8 млрд долл.). США с ВНП свыше 14 млрд долл. остаются мировым или глобальным полюсом. Подчеркнём, что и в БРИКС Китай может рассматриваться как региональный геоэкономический полюс не только для нашей страны, но и других партнёров: Бразилии (ВНП – 2 087,9 млрд долл.) и Индии (ВНП – 1 721,19 млрд долл.).

Учитывая значение КНР для трансграничных регионов России, важно отметить, что именно Китаю в формирующейся геофинансовой архитектуре постглобализации отводится ключевая роль, определяемая экономическим потенциалом страны. Приведём некоторые данные для сравнения: в 2007 году доля КНР в мировом валовом продукте (вычисленном по паритету покупательной способности) составляла 11 процентов, а в 2012 – 14,9 процентов. За это же время величина китайской экономики выросла с 52 процентов до 79 процентов от размера экономики США. В 2007 году экономика Китая была больше японской в 1,7 раза, а сейчас – в 2,7 раза. Но положение формирующегося глобального лидера в условиях кризиса не оценивается однозначно.

Китай не входит в число лидеров финансового развития по версии Мирового экономического форума, более того в 2012 г. КНР опустилась на четыре пункта ниже позиции в рейтинге 2011 г. и заняла 23-е место. При этом по отдельным показателям рейтинг страны значительно ниже: институциональная среда – 35-е место (включая либерализацию финансового сектора – 44-е место); деловая среда – 47-е место (включая налогообложение – 54-е место); доступ к финансированию – 41-е место и др. Однако по ряду показателей КНР находится на более высоких позициях: финансовые рынки – 17-е место, небанковский финансовый сектор – 4-е место (включая активность IPO Initial Public Offering – первая публичная продажа акций – 1-е место); финансовая стабильность – 20-е место (включая устойчивость валюты – 7-е место), риск кризиса суверенного долга – 7-е место и т.д. [18].

Таковыми же противоречивыми являются многочисленные прогнозы геофинансового положения Китая в АТР и БРИКС.

Например, в декабре 2012 г. в докладе «East Asia and Pacific Economic Update» Всемирного банка прогнозировался превышающий прежние ожидания рост экономики Китая в 2013 г. на 8,4 процента. При этом подчёркивалось, что восстановление темпов роста станет результатом действия фискальных стимулов и реализации масштабных инвестиционных проектов, однако в 2014 г. ожидается замедление роста до 8 процентов.

Серьёзной угрозой развития являются риски, которые могут ухудшить перспективы АТР, а именно – возможное торможение структурных реформ в еврозоне, пресловутый «бюджетный обрыв» в США и резкое замедление инвестиций в КНР [19]. В этом же месяце в обзоре рынка и аналитики журнала BusinessWeek показали необходимость перебалансирования китайской экономики на основе её перевода с инвестиционного роста к росту за счёт потребления в сочетании с ужесточением условий кредитования. Замедление во второй половине 2013 г. неизбежно, так как Китай уже достиг той точки, «когда рост инвестиций и кредитов больше способствует не процветанию экономики, а скорее, её уничтожению» [20]. В январе 2013 г. свой прогноз опубликовал Джон Дж. Ксенакис, который, выделяя КНР в составе шести наиболее критических для мировой экономики регионов, отметил наиболее высокую вероятность кризиса в этой стране, обусловленную её внутренними проблемами и возрастающим влиянием на глобальный финансовый рынок [21].

В этом же ключе угроз возможного финансового кризиса в Китае выстроен прогноз японского банка Nomura – одного из главных специалистов по азиатской экономике, – опубликовавшего своё видение в марте 2013 г. Эксперты банка увидели несколько опасных симптомов надвигающегося на Китай кризиса: сокращение потенциального роста, высокие цены на недвижимость и быстрое создание резервов. Такие же признаки экономисты наблюдали в Европе, США и Японии перед самым началом финансового кризиса 2008 г. Ключевые риски для китайской экономики создают власти провинций, небанковские финансовые институты и девелоперы. Несомненную опасность вызывает скорость роста государственного долга: он увеличился с 121 процента ВВП в 2008 г. до 155 процентов в 2012 г., что приближает Ки-

тай к выявленному в банке Nomura правилу «5 к 30»: перед финансовым кризисом показатель увеличивался за 5 лет примерно на 30 процентов ВВП. Это случилось в Японии, в США в 1995–1999 гг. и 2003–2007 гг., а также в ЕС в 2006–2010 гг. [22].

Согласно прогнозам Транснациональной аудиторской компании PricewaterhouseCoopers, опубликованным в августе 2013 г., средние темпы экономического роста в Китае составят примерно 7,5 процента в год, что соответствует принятым правительством КНР целевым показателям, но ниже ожидаемых. Эксперты предсказывают осуществление стратегии опережения темпов роста потребительских расходов над темпами роста производственной базы [23].

Несмотря на неоднозначные прогнозы развития, Китай по-прежнему, как и в годы мирового кризиса 2007–2009 гг., является лидером экономического роста. Хотя рост ВВП остаётся нестабильным: в последнем квартале 2012 г. он увеличился до 7,9 процентов, а в первом и втором кварталах 2013 г. снизился до 7,7 процентов и 7,5 процентов соответственно, что оценивается как признак второй «мягкой посадки» (выход из кризиса) китайской экономики за последние четыре года. (Первая «мягкая посадка» года случилась в начале 2009 г. после обвала американского финансового рынка, текущую – спровоцировала европейская долговая политика [24]). Очевидно, что лидерство и относительную финансовую устойчивость китайской экономике обеспечивают не случайные факторы, а реализация целенаправленной геофинансовой стратегии. Как представляется, именно её оценка лежит в основе экспертных расчётов о возможности обгона Китаем Соединённых Штатов Америки. Так, Джим О’Нил, автор термина BRIC (БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай), подчёркивает, что основой будущего первенства Китая, который за десять последних лет создал три новых экономики КНР, может стать укрепление юаня по отношению к доллару более быстрое, чем это происходит сейчас [25].

В контексте вышеотмеченных особенностей геофинансов, геофинансовых стратегии и конкуренции политика КНР по усилению юаня на глобальном и глокальном рынках, получившая образное название «перехода из американского в азиатский цикл

накопления капитала», соответствует политике геоэкономического лидера, опирающегося на внутренний потенциал. Для иллюстрации этого положения приведём несколько фактов.

В 2010 г. в г. Кёнджу (Республика Корея) на заседании министров финансов и глав Центральные банков «Группы 20» было принято решение о перераспределении квот в Международном валютном фонде (МВФ). В результате страны БРИК вошли в число десяти крупнейших акционеров МВФ, Китай же с шестого места переместился на третье. Оценивая значение реформ управления, глава Международного валютного фонда К. Лагард отметила, что КНР является очень важным членом МВФ – это полностью обосновано ввиду его весомой роли в мировой экономике: «Китай вновь занял место на главной мировой арене, он играет ключевую роль сегодня и будет играть эту роль в будущем». Теперь КНР имеет возможность оказывать определённое давление на эту международную организацию для решения политических вопросов. Так, в октябре 2012 г. министр финансов Китая и глава Народного банка (Центробанка) КНР отказались принять участие в ежегодной сессии Всемирного банка и МВФ в Токио в связи с обострением конфликта вокруг островов Сенкаку (Дяоюйдао).

Заслуживают внимания и факты отказа КНР от покупки американского доллара как резервной валюты. Только за 6 месяцев 2012 г. Пекин импортировал больше золота, чем официальные золотые запасы Португалии, Венесуэлы, Саудовской Аравии, Великобритании и других стран, а объём только его импорта золота с начала года находится на 14-м месте среди крупнейших в мире золотых запасов. Экспертная оценка общего запаса золота КНР в 7 тыс. тонн, возможно, завышена, однако существует уверенность, что золотой запас формирующейся сверхдержавы со всей определённостью больше, чем у МВФ с его запасом в 2 814 тонн [26].

Ярким подтверждением усиления геофинансовых позиций Китая является рейтинг Top 1000 World Banks 2013 журнала The Banker, в котором верхние позиции занимают китайские банки, показывающие сейчас максимальные показатели по прибыльности среди всех банков мира: Industrial & Commercial Bank of China (Промышленный и коммерческий банк Китая, доналоговая

прибыль – 43,2 млрд долл. США, 70,7 процентов акций принадлежит государству, занимает 1-е место по активам в рейтинге); China Construction Bank (Строительный банк Китая, доналоговая прибыль – 34,8 млрд долл. США, 5-е место в рейтинге), ставший в этом году вторым по величине активов и капитала банком страны; Bank of China (Банк Китая, доналоговая прибыль – 22,45 млрд долл. США, контрольный пакет акций принадлежит правительству Китая, 9-е место в рейтинге) – старейший банк страны, основанный в 1912 г.; Agricultural Bank of China (Сельскохозяйственный банк Китая, доналоговая прибыль – 23,3 млрд долл. США, 10-е место в рейтинге), имеющий отделения по всей территории страны, а также в Гонконге и Сингапуре.

На финансовые учреждения КНР приходится 29,3 процента прибыли мировых банков, тогда как в 2007 г. показатель составлял только 4 процента. Как отмечают эксперты, рентабельность китайского банковского бизнеса сегодня гораздо выше, чем в США и еврозоне. Однако в рейтинге надёжности китайские финансовые учреждения пока уступают своим иностранным конкурентам, так как банки КНР находятся в первой десятке надёжных банков [27]. К тому же темпы роста прибыли ведущих китайских банков в прошлом году резко сократились, став минимальными за последние несколько лет. Agricultural Bank of China в 2012 г. смог увеличить чистую прибыль лишь на 19 процентов. Для сравнения, за 2011 г. этот показатель равнялся 29 процентам. Рост чистой прибыли у Bank of China составил лишь 12 процентов (против 19 процентов в 2011 г.), что стало минимальными темпами роста с 2006 г. Бизнес традиционных кредитных институтов страдает от политики Центробанка (сокращение разницы между ставками по банковским кредитам и процентами по депозитам), от усилий китайских властей по развитию рынка облигаций и новых форм заимствований, сокращающих кредитный портфель банков, включая корпоративные бонды, от роста популярности теневого банковского сектора для малого и среднего бизнеса в результате легализации деятельности трастов, обладающих активами с совокупным объёмом около 1 трлн долл. США [28].

Таким образом, усиление преимуществ и уменьшение сла-

бых сторон китайской финансовой системы по-прежнему следует связывать с решением проблемы «4-х "не"», обозначенной премьер-министром КНР Вэнь Цзябао в 2007 г. как «нестабильной, несбалансированной, нескоординированной и, наконец, нежизнеспособной». В результате крупных спадов в реальном ВВП в 2009 и 2012 гг. китайская экономика стала менее стабильной, отчасти это связывают с увеличением доли инвестиций до 50 процентов и падением частного потребления до уровня ниже 35 процентов от ВВП. Однако, как считает председатель совета директоров Morgan Stanley Asia Стивен Роуч, Китай до сих пор обладает несколькими источниками силы, которые помогли ему противостоять глобальному кризису. Среди них:

- амортизаторы в виде масштабных сбережений (53 процента от ВВП) и резервов иностранной валюты (3,3 трлн долл. США);

- сохранение широких возможностей для фискального и монетарно-политического регулирования по мере необходимости, например, за счёт мощной динамики урбанизации, поддерживающей китайскую экономику с высоким уровнем капиталовложений.

Необходимость усиления монетарных инструментов финансового регулирования для увеличения геоэкономического потенциала страны декларируется и властными структурами. В середине декабря на совещании ЦК КПК, посвящённом экономической работе в 2012 г. было принято решение о продолжительной реализации стабильной и здоровой монетарной политики, расширении общего масштаба общественного финансирования и сохранении надлежащего увеличения кредитования при оптимизации его структуры на основе стратегического регулирования промышленности, всемерного повышения инновационного стимулирования, достижения качественного, эффективного и поступательного развития на основе экономических законов. 31 декабря 2012 г. Министерство финансов, Национальная комиссия по развитию и реформам, Банк Китая и другие ведомства выпустили совместное заявление, в котором сказано, в том числе, о необходимости уменьшения активности местных правительств по привлечению инвестиций. В марте 2013 г. на съезде КПК Китая было

решено снизить рост денежной массы (M2) с 14 процентов до 13.

Особого внимания по-прежнему заслуживает валютная политика. На фоне сохраняющихся кризисных явлений в мировых финансах и «дедолларизации» национальных экономик Китай ускоряет процесс регионализации национальной валюты по следующим направлениям:

- использование преимуществ растущих масштабов торгово-экономического сотрудничества для расширения зоны обращения юаня в азиатском регионе;

- повышение международной ликвидности юаня, в том числе посредством институциональных соглашений и формирования регионального рынка, обеспечивающего условия для выхода на международные финансовые рынки.

В контексте усиления геофинансовой мощи КНР очевидна проблема оценки соответствия этого процесса геоэкономическим интересам России, особенно её тихоокеанской части, находящейся в непосредственной географической близости с Китаем. Это тем более важно, что по оценкам экспертов российская зона АТР однозначно выпала из всех возможных «ниш» ускоренного развития Восточной Азии [29]. Не увенчались пока успехом и попытки РФ участвовать в рамках макрорегиона в проектах корректировки мировой финансовой архитектуры. Это отчётливо прослеживается и в ситуации с Азиатским банком развития (АЗБР), основанном в 1966 году для стимулирования роста экономики в макрорегионе с помощью прямых займов и технического содействия. АЗБР может стать оптимальным инструментом для достижения нашей страной цели усиления влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. О намерении присоединиться к этому банку Россия заявила ещё в 1990-е годы, но до сих пор она имеет только статус наблюдателя.

Учитывая стратегический интерес РФ в расширении использования рубля как расчётной, а возможно, и резервной валюты, понятно стремление государства обеспечить бóльшую монетарную независимость и получить, пусть в ограниченном объёме в рамках создаваемого геоэкономического пространства, экономические и политические выгоды «производителя» международно признанной валюты. Как справедливо отмечает М.В. Братер-

ский, подобные интересы существуют у Китая (в меньшей степени у Индии) [30], поэтому реализация общей стратегии вполне вероятна в текущий период в рамках БРИКС. Её подтверждением, является, например, достижение консенсуса в отношении создания пула валютных резервов. По сообщениям информационных агентств в сентябре 2013 г. в ходе неофициальной встречи лидеров Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР на саммите «Группы двадцати» (G 20) в Санкт-Петербурге данный пул валютных резервов должен составить 100 млрд долл. Самую большую сумму внесёт КНР – 41 млрд долл., по 18 млрд внесёт Бразилия, Индия и Россия, ЮАР – 5 млрд. Параллельно с банком «пятерка» собирается сформировать специальный антикризисный фонд в 240 млрд долл. Значимость этого события не уменьшает существующей геофинансовой конкуренции между РФ и КНР. Интересны комментарии по этому поводу канадской исследовательницы Джульет Джонсон, опубликовавшей статью «Рубль и юань: союзники или соперники?» в июньском выпуске 2013 г. журнала «ПОНАРС Евразия: новый подход к исследованиям и безопасности в Евразии». В частности она написала, что самыми трудными моментами на переговорах были капитализация и право. Китай предложил создать стартовый капитал банка развития, по разным источникам, в 50–100 млрд долл. США, предполагая самостоятельно внести большую часть средств. Опасаясь китайского доминирования, Россия настаивала на ограничении первоначального капитала банка лишь 10 млрд долл., при этом вклад каждого члена должен быть одинаковым. По вопросу голосования КНР предложила, чтобы количество голосов соответствовало экономической мощи и размеру взноса, а РФ – чтобы количество голосов у всех было одинаковым и не зависела от размеров взноса в стартовый капитал [31].

Несмотря на существующие разногласия между странами, создание валютного пула свидетельствует о начале воплощения плана демонтажа существующей мировой финансовой системы, изложенного в «Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС» в марте 2013 г. [32]. Подчеркнём, что в этой Концепции особое внимание уделяется проблемам снижения связанных с массивными трансграничными потоками капитала

рисков дестабилизации валютных и фондовых рынков и увеличения использования национальных валют в торговле между странами БРИКС. Наиболее активное взаимодействие наблюдается между Россией и Китаем. В силу различных причин РФ вынуждена во многом поддерживать политику усиления юаня в проводимых КНР валютных войнах на мировом рынке. Одним из таких манёвров, выходящим за рамки АТР и имеющим глобальное значение, по наблюдениям авторитетного американского трейдера Русса Винтера, является договор между Китаем, Россией, Ираном, Анголой, Суданом и Венесуэлой об оплате поставок нефти в юанях. Сейчас в мире 5 млн баррелей нефти оплачивается юанями [33].

Не менее оживленные действия российское политическое руководство и предпринимательские круги осуществляет и на уровне взаимодействия России и Китая. В конце декабря 2010 г. Московская Межбанковская Валютная Биржа (теперь – «Московская Биржа») начала торги валютной парой рубль – юань через месяц после начала торгов этой валютной парой в КНР. В этом же месяце ВТБ – один из ведущих российский банков – стал первой неазиатской компанией на новом развивающемся рынке, выпускающей дим сам (Dim Sum) облигации, номинированные в юанях, а в октябре 2011 г. объявил об открытии вкладов в юанях. В сентябре 2012 г. обе страны договорились использовать валюту друг друга для расчётов за часть экспорта российского природного газа в Китай. С начала 2013 г. ВТБ, «Русский стандарт», Россельхозбанк и Газпромбанк разместили в Гонконге облигаций, номинированных в юанях, больше, чем китайские компании: 482 млн в долларовом выражении против 477 млн.

Между тем, риски подобных действий для России достаточно велики. В Стратегии – 2020 подчёркивалось, что курс на интернационализацию юаня, первый этап которого должен завершиться к 2020 г. превращением официальной китайской денежной единицы в мировую расчётную валюту, может привести, во-первых, к ограничению использования рубля в международных расчётах и новым валютным войнам, в том числе против РФ; во-вторых, к вытеснению с российского рынка отечественных производителей обрабатывающей промышленности, не выдержи-

вающих конкуренцию с китайскими производителями аналогичных товаров; в-третьих, к подрыву перспектив вовлечения Центральной Азии в интеграционные проекты России (конкуренция за энергетические ресурсы региона, ослабление таможенного контроля на южной границе Таможенного союза – между Казахстаном и Китаем, срыв планов дальнейшего расширения Таможенного союза); в-четвёртых, к ослаблению позиций РФ в управлении глобальными экономическими процессами, в том числе в МВФ и ВТО.

Очевидно, что все негативные факторы для России будут усиливаться по мере укрепления геофинансовой мощи Китая. Это имеет принципиальное значение для развития приграничных с Китаем дальневосточных регионов РФ, где, несмотря на действующие ограничения, в течение последних десятилетий юань фактически выполняет функции валюты обращения. Назовём лишь несколько фактов, имеющих геофинансовые последствия для России.

Российские и китайские банки из приграничных регионов с 1 января 2005 г. начали осуществлять между собой расчёты в рублях и юанях, минуя долларovou переоценку. Основной причиной нововведений стало стремление участников рынка существенно уменьшить долю серых схем, применяемых при осуществлении сделок обеими сторонами, увеличить товарооборот между РФ и КНР, расширить ассортимент банковских услуг для корпоративных и частных клиентов российских приграничных кредитных организаций, имеющих внешнеэкономические связи с КНР. Официальное использование юаня в приграничной торговле началось с июля 2009 г., когда китайская валюта заметно усилила свои позиции как валюта расчётов не только с Россией, но и Вьетнамом, Монголией и КНДР. Основу для проведения трансграничных расчётов между Народным банком Китая и центральными банками 12 стран заложили подписанные в конце августа 2011 г. двусторонние соглашения на общую сумму 841,2 млрд юаней. Таким образом, расширение приграничной торговли уже сейчас закладывает необходимую основу для регионализации юаня, его использования не только в торговых, но и в других трансграничных операциях.

Геофинансовая стратегия КНР соответствует концепции приграничного регионализма, реализуемой через механизмы расширения и диверсификации форм приграничного сотрудничества в рамках политики «реформ и открытости», «выход вовне», программы построения «приграничного пояса открытости», региональных программ «освоения западных регионов», программ «подъёма и процветания старопромышленных баз» Северо-Восточных регионов КНР, программ конструирования экономических, транспортных и культурных приграничных коридоров, и др. [34]. Её реализация, несомненно, способствует росту объёма приграничной торговли. Согласно официальной статистике объём китайско-российской торговли в 2012 г. составил 88,2 млрд долл. США. К 2015 г. планируется увеличение товарооборота между двумя странами до 100 млрд долл. США. Особую роль в развитии товарооборота играет приграничная торговля. Например, объём экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию занимает около 24 процентов от общего показателя.

Однако развитие приграничного сотрудничества сдерживается некоторыми негативными факторами. Часть из них имеет традиционный для российско-китайской торговли характер и обусловлена сырьевой структурой экспорта России, деформированностью экономики приграничных субъектов РФ, неразвитостью приграничной инфраструктуры, несовершенством нормативной базы, в том числе межбанковских отношений. Другая часть негативных факторов, усиливающих риски приграничного сотрудничества, определяется влиянием современного глобального кризиса и его последствий, включая изменение валютных курсов и покупательской способности населения, рост «серого импорта», изменение внутреннего спроса и др. К тому же усиленный рост КНР не снимает проблемы национальной безопасности для России. Как справедливо отмечает Г.В. Андреев, при нынешних темпах экономического развития к 2020 г. ВВП России будет в 4–5 раз меньше китайского, а такое отставание создаст стратегические вызовы малонаселённым регионам Сибири и Дальнего Востока и ослабит геополитические позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе [35].

Особого внимания политиков и экспертов в контексте рас-

ширяющейся геофинансовой конкуренции должна заслуживать продолжающаяся экспансия банков Китая на российский финансовый рынок. Сегодня в РФ представлены уже упоминавшиеся нами четыре крупнейших банка КНР, контролирующие 60 процентов рынка банковских услуг в своей стране: Промышленно-торговый банк Китая (ICBC), Строительный банк Китая (CCB), Банк Китая (BC) и Сельскохозяйственный банк Китая (ABC). Продвижение китайских, как и любых других иностранных банков, в РФ имеет свои особенности. До 2013 г. указанная экспансия сдерживалась искусственно – был негласный запрет (точнее говоря, не было порядка их регистрации) на открытие филиалов иностранных банков, хотя законом «О банках и банковской деятельности» (ст. 2) открытие филиалов и представительств иностранных банков допускалось. В марте 2013 г. этот запрет обрёл законодательную силу (Федеральный закон от 14.03.2013 № 29-ФЗ), филиалы иностранных банков из банковской системы РФ исключены, остались лишь представительства таких банков. Между тем, представительства разрешается создавать иностранным банкам лишь для изучения экономической ситуации в банковском секторе России, для оказания консультационных услуг своим клиентам, поддержания и расширения контактов с российскими кредитными организациями, развития международного сотрудничества, то есть они не имеют права заниматься коммерческой деятельностью.

Тем не менее, каждый из иностранных банков стремится занять свою нишу в России. Так, Банк Китая, создавший дочернее предприятие – «Банк Китая Элос» ещё в 1993 г., развивает кредитование, страхование, валютные операции, эмиссию банковских карт, разные инвестиционные проекты. Учитывая, что помимо Москвы банк имеет еще два отделения – в Хабаровске (открыто в 2012 г.) и Владивостоке (2013 г.), сфера интересов BC – перспективные районы страны, Сибирь и Дальний Восток. Сельскохозяйственный банк Китая нацелен на обслуживание торговли между РФ и КНР. Это отражено в меморандуме о взаимопонимании, заключённом между Сбербанком РФ и ABC в апреле 2013 г. Строительный банк Китая пришел в Россию в 2011 году, открыв представительство в Москве, для развития ипотечного кредито-

вания. С этой целью на территории России правление банка в 2011–2012 годах зарезервировало сумму в 150 млн долл. США. (Важно отметить, что по оценкам экспертов, у китайских банкиров больше преимуществ на российском рынке ипотеки, так как процентная ставка составляет всего 4,5–5 процентов годовых). Промышленно-торговый банк Китая – один из крупнейших провайдеров электронных банковских услуг с 2003 г. имеет представительство в Москве. Банк оказывает финансовые услуги при импортно-экспортных операциях, осуществляет инвестиции в добычу полезных ископаемых. К примеру, ICBC – главный кредитор Байкальской горной компании, ведущей разработку крупнейшего в мире Удоканского месторождения меди. В мае 2012 года Промышленно-торговый банк Китая и Сбербанк России достигли соглашения о совместной работе по таким направлениям, как расчётное обслуживание товарооборота между хозяйствующими субъектами обеих стран в национальных валютах, торгово-экспортное финансирование клиентов, документарный бизнес, инвестиционно-банковские услуги [36; 37].

Российские банки также стремятся проникнуть на китайский рынок. Однако их потенциал недостаточно велик. В настоящее время финансовую лицензию на территории Китая имеет единственный российский банк – филиал банка ВТБ в Шанхае, активы которого на 1 августа 2013 г. составили 96 млн долларов США. По итогам 2012 года филиал ВТБ в Шанхае занял первое место по объёму операций рубль-юань и количеству торговых дней по валютной паре на Китайской валютной бирже среди четырёх банков маркет-мейкеров. При этом сумма операций составила 3,88 млрд юаней КНР. Подчеркнём, что ВТБ хотя и является одним из крупнейших российских банков, но заметно уступает китайским банкам, действующим на рынке РФ. В рейтинге Top 1000 World Banks 2013 журнала The Banker он занимает 70-е место по активам.

Подведём некоторые итоги проведённого анализа новых вызовов и условий регионального развития России. В современный период государство и его субъекты как акторы глобальных и глокальных рынков вынуждены формировать новую геоэкономическую стратегию, учитывающую трансформацию глобализации

в постглобализацию и усиление роли геофинансовых факторов в интеграционных процессах. Участвуя в создании новой многополярной модели мироустройства, РФ как страна с формирующимся рынком занимает особую нишу, связанную, с одной стороны, её принадлежностью к группе наиболее динамично развивающихся государств первого десятилетия XXI в., с другой, – её заметным ослаблением в период глобального кризиса. Сложность и противоречивость положения России вынуждает её выстраивать систему стратегического партнёрства с разными странами, находящимися, по сути, в состоянии геофинансовой конкуренции. В АТР, чрезвычайно важном для развития трансграничных регионов ДВФО РФ, среди основных партнёров России геоэкономический полюс силы макрорегиона – Китай, являющийся одновременно региональным полюсом и для всех остальных членов БРИКС. Очевидно, что усиление геофинансовой мощи КНР не отвечает стратегическим интересам РФ, ибо усиливает угрозы и риски не только трансграничного взаимодействия, но и внутреннего регионального развития дальневосточных регионов, ограничивая возможности их конкурентных манёвров. В ужесточающихся под влиянием геофинансовых факторов условиях постглобализации требуется адекватная вызовам развития стратегия деятельности федеральных и региональных властей, подкрепляемая не только инновационным ростом реального сектора экономики, но и совершенствованием геофинансовой системы страны.

Литература

1. Samuelson R. J. Can globalization survive 2013?// Washingtonpost. 2012. December 30. URL: http://articles.washingtonpost.com/2012-12-30/opinions/36071260_1_production-workers-capital-flows-cost-advantage (дата обращения: 13.08.2013).
2. Чёрная И.П. Региональная политика устойчивого развития : проблемы и особенности формирования и реализации в РФ // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 84.
3. World economic outlook : a survey by the staff of the International Monetary Fund. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2013. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/>

2013/01/pdf/texttr.pdf (дата обращения: 29.08.2013).

4. Перспективы развития мировой экономики. Бюллетень основных прогнозов ПРМЭ. 9 июля 2013 г. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2013/update/02/pdf/0713r.pdf> (дата обращения: 29.08.2013).

5. Рубини Н.: «Идеальный шторм» разрушит мировую экономику. 18.11.2012. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/19902> (дата обращения: 09.06.2013).

6. «Господин кризис, как вас теперь называть?». Круглый стол // ПОЛИС. 2009. № 3. С. 9–33.

7. Симония Н.А., Торкунов А.В. Глобализация и проблема мирового лидерства // Международная жизнь. 2013. № 3. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1630 (дата обращения: 10.07.2013).

8. Рожков Ю.В., Чёрная И.П. Инновационный вектор развития геофинансов эпохи постглобализации // Безопасность Евразии. 2012. № 2. С. 263–264.

9. Goldfinger Ch. Innovation in Financial Services // Communications & Strategies, No. 48, 4-th quarter 2002. Pp. 139–160.

10. Кочетов Э.Г. Геоэкономический подход к внешнеэкономической стратегии России на современном этапе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 10. С. 23–29.

11. Что ждёт мировую экономику? // Международная жизнь. 2013. 27 июля. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9844> (дата обращения: 28.07.2013).

12. Торкунов А.В., Симония Н.А. Финансовые аспекты и социальные последствия структурного кризиса в США // Мир и политика. 2013. URL: <http://mir-politika.ru/3727-finansovye-aspekty-isocialnye-posledstviya-strukturnogo-krizisa-v-ssha.html> (дата обращения: 31.08.2013).

13. Фёдорова Е., Безрук О. Анализ и оценка каналов распространения финансовых кризисов на развивающихся рынках // Вопросы экономики. 2011. № 7. С. 120–128; Каллаур П.В. Концепт «финансовая стабильность». URL: <http://infobank.by/523/default.aspx> (дата обращения: 31.08.2013).

14. Пучков И.К. Геофинансовая логика трансформации ми-

ровой экономики // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 157–161.

15. Рожков Ю.В., Чёрная И.П. Геофинансовые проблемы развития интеграционных процессов в условиях постглобализма // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 34–42.

16. Бэттлер А. Мир и Россия (Прогноз) // Философия хозяйства. 2009. № 6. С. 64–86.

17. World Development Indicators 2012. URL: <http://data.worldbank.org/sites/default/files/wdi-2012-ebook.pdf> (дата обращения: 22.09.2013).

18. The Financial Development Report 2010. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FinancialDevelopment_Report_2010.pdf (дата обращения: 03.08.2013); The Financial Development Report 2011. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FinancialDevelopment_Report_2011.pdf (дата обращения: 14.08.2013); The Financial Development Report 2012. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FinancialDevelopmentReport_2012.pdf (дата обращения: 05.08.2013).

19. World Bank: East Asia and Pacific Economic Update, December 2012 – Remaining Resilient. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2012/12/28/000386194_20121228033822/Rendered/PDF/NonAsciiFileName0.pdf (дата обращения: 25.08.2013).

20. 2013 Forecasts From Around the World // Bloomberg Businessweek. Global Economics. 2012. December 20. URL: <http://www.businessweek.com/articles/2012-12-20/2013-forecasts-from-around-the-world> (дата обращения: 27.08.2013).

21. Xenakis J.J. Updating Global Conflict Risk Assessment for China threat. URL: <http://www.breitbart.com/Big-Peace/2012/12/31/1-Jan-13-World-View-2013-Forecast-Financial-Crisis-and-China-Threat> (дата обращения: 28.08.2013).

22. Nomura: Китай стоит на пороге острого финансового кризиса. URL: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3268138> (дата обращения: 28.08.2013).

23. Global economy watch – September 2013. URL: <http://www.pwc.co.uk/economic-services/global-economy-watch/summary>

september-2013.pdf (дата обращения: 28.08.2013).

24. Роуч Ст. Последняя «мягкая посадка» Китая. URL: <http://www.assessor.ru/forum/index.php?t=2174> (дата обращения: 29.08.2013).

25. О'Нил Дж. Карта роста. Будущее стран БРИК и других развивающихся рынков. М. : Альпина Бизнес Букс, Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 11, 87.

26. Нефтезолото: Россия и Китай собираются похоронить нефтедоллар? URL: <http://www.csef.ru/index.php/ru/ekonomika-i-finansy/project/431-markets-estimates-and-projections/1-stati/4016-neftezoloto-rossiya-i-kitaj-sobirayutsya-pokhoronit-neftedollar> (дата обращения: 29.08.2013).

27. Top 1000 World Banks 2013. URL: <http://www.thebanker.com/Landing-Pages/Top-1000-entries-2013/Top-1000-World-Banks-2013> (дата обращения: 29.08.2013).

28. Власти КНР мешают банкам увеличивать прибыль. URL: <http://bankir.ru/novosti/s/vlasti-knr-meshayut-bankam-uvelichivat-pribyl-10039923> (дата обращения: 29.08.2013).

29. Рензин О.М. Региональная интеграция России в АТР и форум АТЭС // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 161–164; Труш С.М. Динамика отношений КНР-США. Мотивация России // США. Канада. Экономика – политика – культура. 2011. № 4. С. 19–42.

30. Братерский М.В. Финансовые интересы во внешнеполитической стратегии России // В кн.: XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 2. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 180–187.

31. Johnson J. The ruble and the yuan: allies or competitors?//PONARS Eurasia Policy Memo. June 2013. №. 255. URL: http://ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Perm_255_Johnson_June%202013_0.pdf (дата обращения: 13.09.2013).

32. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf> (дата обращения: 02.10.2013).

33. Winter R. China maneuvers to take away us' dominant re-

serve currency status // Zerohedge. 22.07.2013 URL: <http://www.zerohedge.com/contributed/2013-07-22/china-maneuvers-take-away-us'-dominant-reserve-currency-status> (дата обращения: 13.08.2013).

34. Кучинская Т.Н. Открытый приграничный регионализм в глобальной стратегии Китая : уроки для России // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 1. С. 28.

35. Андреев Г.В. Проблемы обеспечения экономической безопасности российского Дальнего Востока и пути их решения // Право и безопасность. 2008. № 1. С. 76–82.

36. Philip A. Foreign banks outperform locals in Russia // The Banker. 05 April, 2013. URL: <http://www.thebanker.com/Banker-Data/Bank-Trends/Foreign-banks-outperform-locals-in-Russia> (дата обращения: 04.10.2013).

37. Чижевский В. С юанем за пазухой // China Logist. 2013. 24 апреля. URL: <http://chinalogist.ru/book/articles/obzory/s-yuanem-za-pazuhoу> (дата обращения: 03.10.2013).